

Коллекция «ГАРФАНГ»

ЛИТЕРАТУРА БЕСПОКОЙНОГО ПРИСУТСТВИЯ

И вдруг!

Это словечко «и вдруг» подобно апельсиновой корке на дороге бегущих ног.

И вдруг!

Мы всегда планируем будущее на час, день, месяц, год.

И вдруг!

Это в нашей крови — думать о будущих поступках. Собираемся продвинуться по службе, взять сердце женичины правильной осадой и жениться... через годик, другой.

И вдруг!

Чужая, интересная, потаенно жестокая вселенная вторгается в нашу психику и в наши планы. Называть ее можно как угодно: четвертое измерение, параллельная вселенная — это дела не меняет.

И сомнение, как свежий северный ветер, врывается в наше сознание: правда ли, что жить хорошо, а умереть — плохо?

Дэвид Линдсей

Наваждение

*Перевод с английского
Сергея Жигалкина*

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва
2001

ББК 84(4Вл)6-44
Л 59

Коллекцию ведет

Евгений Головин

В издании коллекции участвуют

Сергей Жигалкин, Ирина Колташева

Л 59 **Линдсей Дэвид**

Наваждение / Пер. с англ. С. А. Жигалкина. —
М.: Языки русской культуры, 2001.—272 с. —
(Коллекция «Гарфанг»).

ISBN 5-7859-0205-2

Дэвид Линдсей (1876—1945) — английский писатель, автор знаменитого ныне романа «Путешествие на Арктур». Одинокий, отчужденный, странный, не признанный при жизни Дэвид Линдсей сейчас расценивается как один из выдающихся мэтров «черной фантастики». В романе «Наваждение» Линдсей представил загадочное переплетение скучной и никчемной человеческой жизни с призрачной и жестокой волей потустороннего.

ББК 84(4Вл)6-44

© С. А. Жигалкин. Перевод, 2001
© Е. В. Головин. Послесловие, 2001
© Языки русской культуры, 2001

Г л а в а I

МАРШЕЛ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ИЗ АМЕРИКИ

Во второй половине августа Маршел Стоукс отправился в Нью-Йорк по делам о наследстве недавно умершего брата своей будущей супруги. Занятый, деловой человек, представитель страховой компании Ллойда, он с большим трудом нашел для этого время — а на поездку потребовалось более двух недель, — но другого выхода не было. Его невеста, мисс Ломент, не имела в Америке никаких связей: круг ее родственников ограничивался овдовевшей тетушкой, вместе с которой она и жила. Естественно, леди не могли сами отправиться за океан, где пришлось бы изучать конторские книги, беседовать с адвокатами, рассматривать иски и т. п., — ни одна из них не обладала соответствующим опытом. Заняться этим, следовательно, предстояло Маршелу. Разумеется, в такой краткий срок он был не в состоянии полностью закончить дело, тем не менее довел его до завершающей стадии и поручил фирме с хорошей репутацией действовать от лица мисс Ломент. Наследство оценивалось в сорок тысяч долларов.

Когда в середине сентября он вернулся в Лондон, выяснилось, что дамы уехали в Брайтон: миссис Мур, тетушка, по-видимому, неважно себя чувствовала. Маленькая надушенная записка от Изабеллы призывала его присоединиться к ним. Маршел не мог сразу же уехать из города, но через два дня, в пятницу, после полудня, бросил работу, сел за руль и направился в Брайтон на уик-энд. Погода была чудесная, настроение — отличное, и, проезжая пригородные районы Сассекса, усеянные мерцающими в сентябрьской дымке сине-лиловыми цветами, он думал, что никогда еще не видел ничего столь прекрасного. Сияло солнце, и дул свежий, бодрящий ветерок.

Тем же вечером он ужинал с Изабеллой и миссис Мур в ресторане отеля «Гонди». Пожалуй, ни та, ни другая леди не привлекала к себе столько внимания, сколько сам Маршел. Представительный и мощный, он был великолепен в своем вечернем костюме. Его румяное лицо, с которого еще не сошел океанский загар, располагало добродушной, жизнерадостной флегмой. Даже руки, красные и крупные, однако хорошей формы, выделяли его среди других мужчин. Изабелла время от времени с удовольствием посматривала на него и украдкой улыбалась. Говорил в основном Маршел. Оставив дела на потом, за ужином он развлекал дам своими впечатлениями о Соединенных Штатах, и благодаря свободному употреблению новейшего сленга его рассказы приобретали особую пикантность. Племянница с тетушкой прекрасно знали Америку, однако тактично умалчивали об этом.

По случаю смерти брата Изабелла была в черном. Покрой платья, в согласии с последней модой, отличался глубоким вырезом на ее полной груди и еще более глубоким на спине. Внешности весьма обыкновенной, на первый взгляд довольно привлекательная двадцатипятилетняя девушка, не более того. Широкие скулы и низковатый лоб придавали лицу несколько чувственное выражение, а тусклая кожа под слоем пудры казалась неестественно бледной. Вообще, ее лицо оставляло впечатление спокойствия, даже неподвижности, но внезапно мелькнувшая улыбка или чувство мгновенно прогоняли эту маску. Глубокие серо-черные глаза — обычно скупающие и отсутствующие — иногда сужались, и тогда острый, пронизательный взгляд поражал неожиданностью. Волосы, длинные и нежные, были пепельными. Невысокая и, по современным представлениям о красоте, со слишком, пожалуй, широкими бедрами, она тем не менее производила элегантное впечатление. У нее была изящная походка, руки и ноги маленькие, что называется, аристократические. Украшения предпочитала она неброские.

Она командовала всеми своими друзьями, а двое или трое самых близких просто обожали ее. Более того, в каком бы обществе она ни оказалась, не прилагая никаких усилий, к концу вечера неизменно добивалась успеха и становилась центром внимания не только мужчин, но и женщин. Не склонная к стеснительности и застенчивости, всегда спокойная и немного скупающая, она очаровывала самой силой своего молчания, под которым — абсолютно ясно — отнюдь не таилась

глупость. Прежде чем на ее горизонте появился Маршел, она уже отклонила три брачных предложения. Стоит отметить, что все предлагавшие руку и сердце были намного старше ее.

У Изабеллы была странная привычка: она постоянно — несомненно, бессознательно — занималась собой: то и дело перебирала волосы, разглаживала юбку, поправляла пояс, вертела ожерелье или браслет. Причина, однако, крылась не в кокетстве, а в некоторой нервной раздражительности. Миссис Мур частенько выговаривала ей — ведь при потворстве дурная привычка может укорениться. Изабелла тотчас же прекращала свои манипуляции, но вскорости начинала опять. Странно, тем не менее очень многим мужчинам нравилось наблюдать за ее игрой со своим туалетом. Изабелле это было хорошо известно и всегда возмущало ее.

Миссис Мур, ее тетушке, недавно пошел шестидесятый год. Она, как мы сказали, осталась вдовой. Муж, мелкий биржевой маклер, во время каучукового бума скопил приличное состояние, после его смерти в 1911 году в целости и сохранности перешедшее к ней. Благодаря удачным биржевым операциям она с тех пор существенно приумножила капитал и теперь считалась богатой женщиной. Младший брат миссис Мур, отец Изабеллы, умер примерно в то же время, когда и ее муж. Вдовец, он кроме Изабеллы имел еще одного сына, того самого, который недавно скончался в Нью-Йорке. После смерти отца Изабелла, в ту пору шестнадцатилетней, попала под опеку миссис Энн Мур. Ее сразу же — отчасти против воли — забрали из школы,

и две женщины начали совместное кочевое существование с бесконечными переездами из отеля в отель во всех странах света. Со временем Изабелла полюбила эту свободную жизнь. Да и выбора не было: собственных средств не хватало и она зависела от причуд своей тетушки. Остается лишь добавить, что Изабелла постоянно тиранила пожилую женщину и последняя не только не противилась ей, но даже считала такие отношения вполне естественными.

Миссис Мур — особа невысокого роста, с хорошей, хотя и довольно жесткой осанкой — отличалась весьма развитым чувством собственного достоинства. Словно высеченное из желтого мрамора, лицо миссис Мур — решительное и строгое — лишь изредка освещалось улыбкой. Годы не сказались на ее физических и умственных кондициях и вполне удовлетворительном здоровье. Одеваться она не умела, поэтому ее гардеробом ведала Изабелла, а что и когда надевать, советовала служанка. Она была, в сущности, из тех эксцентричных женщин, которым следовало бы родиться мужчинами. И вкусы, и сфера интересов у нее преобладали мужские. Миссис Мур понимала, например, куда вложить деньги, дабы получить наибольшую прибыль, как покупать и продавать землю и как наилучшим образом обставить дом. Но она совершенно не умела польстить мужчинам, изящно вести пустую беседу, вовремя поинтересоваться мелкими домашними заботами другой женщины или произвести впечатление на представителей высшего общества. Не признавая авторитетов, она была достаточно горда, чтобы в

любом обществе говорить что думает. Вполне естественно, знакомые и друзья, относясь к ней с большим уважением, несколько побаивались ее и так, по существу, и не приняли в свой круг. Роковое одиночество порой тяготило, и тогда она находила утешение в музыке. Любила классику, особенно Бетховена, но история музыки для нее заканчивалась Брамсом. Случалось, неделями не открывала рояля, а потом, охваченная внезапной страстной тоской, садилась и играла часами. Ее исполнение — самоуверенное и не очень деликатное — отличалось, однако, известной экспрессией.

Обе женщины обожали друг друга, хотя и не имели особой охоты демонстрировать свои чувства. Тем не менее разность темпераментов провоцировала частые ссоры. Когда это случалось, тетушка обычно наступала весьма решительно и энергично, а Изабелла, напротив, становилась угрюмой, мстительной, подолгу молчала и с трудом успокаивалась.

После ужина все трое отправились на второй этаж, в апартаменты миссис Мур. Официант принес кофе и шартрез. Комната была выбрана удачно и отличалась от прочих множеством ваз с бледными хризантемами, искусно расставленных Изабеллой. Она, надо заметить, очень любила это занятие. Было прохладно, и в камине слабо горел огонь. Они сдвинули кресла к очагу и образовали полукруг, Изабелла — посередине. Протянув руку к каминной полке, она взяла из коробки две сигареты: для Маршела и для себя. Миссис Мур курила редко.